

ленным. Неопределенно-личные предложения с пассивной формой глагола автор отграничивает от двусоставных предложений типа *Me lähdetään* 'Мы пойдем' (дословно: мы пойдут), а также от тех обобщенно-личных предложений, главный член которых выражен пассивной формой глагола. Затем неопределенно-личные предложения классифицируются по структурному признаку. Во второй главе рассматриваются обобщенно-личные предложения, которые, по убеждению автора диссертации, стоят на одном классификационном уровне с неопределенно-личными и безличными предложениями. Обобщенно-личными диссертант называет такие глагольные односоставные предложения, в которых глагол имеет форму либо 2-го или 3-го лица единственного числа, либо пассива, а по значению предложения действующее лицо мыслится обобщенно: *Opi ensin itse, ennenkuin toista opetat* 'Научись сначала сам, прежде чем другого учишь', *Kahvista talon tuntee* 'Дом узнаешь (узнает) по кофе', *Hedelmästä puu tunnetaan* 'Дерево по плодам узнают'. Здесь действие может относиться к любому лицу или ко всем людям. Далее анализ идет опять-таки по структурным типам.

В третьей главе перед диссертантом стояла проблема отграничения безличных предложений от других. Эта важная глава написана с хорошим знанием дела. Автор считает возможным рассматривать предложения типа *Isän pitää lähteä* 'Отцу нужно идти', *Minua vilustaa* 'Меня зно-

бит' как односоставные безличные. Приведенные примеры представляют основной тип безличных предложений. Для этого типа характерно то, что в качестве главного члена здесь выступает одноличный глагол. (Обычно такие предложения, как *Isän pitää lähteä*, относились к двусоставным.) Подобно одноличным глаголам в безличном значении могут выступать и многие личные глаголы, образуя безличные предложения (*Haavaa polttaa ja kirvelee* 'Рану жжет и щиплет'). В безличных предложениях третьего типа главный член образуется (в терминологии, употребляемой диссертантом) из глагола-связки и предикатива. Это — наиболее продуктивный тип безличных предложений в современном финском языке (*Minun on kylmä* 'Мне холодно', *Hänen on vaikea hengittää* 'Ему трудно дышать').

Автор рассматривает также некоторые типы экзистенциальных предложений с глаголом бытия. В одних исследованиях они считаются личными, в других — безличными. Автор относит их к переходному типу. Кроме того, рассматриваются и некоторые другие спорные случаи разграничения типов предложений.

Возможно, что не все лингвисты согласятся с данной в работе классификацией, но, как подчеркнул оппонент Х. Рятсен, надо иметь в виду, что это — одно из возможных решений проблемы, притом неплохое и до сих пор единственное целостное.

ХЕНН СААРИ (Таллин)

<https://doi.org/10.3176/lu.1967.1.19>

А. А. Мокань, Венгерские заимствования в мараморошском украинском диалекте Закарпатской области. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1966.

18 ноября 1966 г. на Совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации преподавателем Ленинградского университета А. А. Моканем (Sándor Mokány) на тему «Венгерские заимствования в мараморошском украинском диалекте Закарпатской области». А. А. Мокань занимался в аспирантуре при Тартуском государственном университете под руководством акаде-

мика АН Эстонской ССР П. Аристе (1956—1960). Официальными оппонентами свою оценку работе дали проф. И. А. Дзедзелевский (Ужгород), доц. П. Пальмеос (Тарту) и канд. филол. наук П. Кокла (Таллин).

Диссертация А. А. Моканя — обширная работа, на 540 страницах которой дан разносторонний и основательный разбор венгерских заимствований в мараморошском диалекте украинского языка.

ка. Она состоит из введения и шести глав. Выбор темы удачен: ведь в Закарпатье, население которого говорит на разных языках, условия очень благоприятны для изучения языковых контактов. Как отмечает диссертант, мараморошский диалект является в Закарпатье украинским диалектом самой древней формации. На этом диалекте и на территории его распространения возникли самые значительные и ценные письменные памятники Закарпатья. Кроме того, А. А. Мокань — наиболее подходящая кандидатура для исследования этой темы, так как он — уроженец закарпатского города Тячево (венг. *Técső*) и практически знает как местные венгерские диалекты, так и украинский мараморошский диалект.

Материалом для работы послужили венгерские заимствования, собранные автором в 1957—1960 гг. на территории распространения мараморошского диалекта в 34 населенных пунктах. Кроме того, учтены работы других исследователей и письменные памятники. При изложении своих положений автор очень основателен, местами при отдельных экскурсах эта основательность представляется излишней (например, при объяснении вокализации *-l* можно было бы ограничиться ссылкой на литературу). Глубоко вникает он и в теоретическую сторону проблем, о чем говорят тщательно обобщенные примерами новые и самостоятельные методологические соображения. Работа свидетельствует о широком кругозоре диссертанта. Он не ограничивается изучаемым диалектом, а ищет объяснения отдельных явлений и на материале других соседних языков, например, по его мнению, венгерский суффикс *-os*, *-as* дал в украинском языке местами *-yš* под румынским влиянием.

Обратимся к отдельным частям работы. Во введении даны ценные и необходимые для лучшего понимания основной части диссертации сведения. Здесь рассматриваются ранняя история украинского населения на территории современного распространения мараморошского диалекта и возникновение связи между ним и венгерским языком. Выдвигается теория о переселении славян (предков современных украинцев) из междуречья Латорицы — Реки в междуречье Реки — Шопурки в середине или конце XIV в.

Первая глава целиком посвящена исследованию истории славяно-венгерских языковых взаимоотношений. Глава представляет собой подробный анализ трудов, написанных предшественниками диссертанта.

Во второй главе диссертации А. А. Мокань излагает свои методологические и теоретические положения и, естественно, приходит к выводу о том, что основное внимание надо обратить на словарный состав диалектов языка — источника заимствований со всеми их фонетическими вариантами. Он показывает, как нужно искать следы заимствований в малейших диалектных особенностях, не сбиваясь, однако, с правильного пути, так как решение иной раз может скрываться совсем в другом — в письменных памятниках (например, *kyl'čy''x* и др.). Иногда у читателя могут возникнуть вопросы в связи с группировкой материала (например, почему *bajuszkenđü* относится к фонетическим диалектизмам, ср. лит. *bajuszkenđcs*, а не к лексико-словообразовательным?).

В третьей главе исследуется механизм проникновения лексических заимствований в язык. Приводится много синонимических пар, состоящих из исконного слова и заимствования. Это, конечно, типичное явление в языковой практике двуязычного населения, но на основе своих наблюдений и опубликованных материалов автору удалось убедительно показать развитие таких синонимических пар и судьбу как исконных слов, так и заимствований на протяжении долгого времени. Для облегчения анализа он ввел термин ино синоним. Можно согласиться с автором, когда он в том же перечислении приводит пары синонимов, в которых и второе слово — заимствование, но несравненно более раннее, чем его пара.

Четвертая глава — наиболее существенная часть работы (конечно, наряду со словарными статьями шестой главы). Здесь указано, какое место занимают венгерские заимствования в морфологической системе рассматриваемого украинского диалекта. Здесь же описываются закономерности, по которым происходит приспособление совершенно чуждых украинскому языку в фонетическом отношении венгерских пришельцев к новой

среде. Эта задача в работе решена и основные выводы по этим проблемам сведены в заключительной части главы. Так как в работе речь идет о принадлежащих к разным семьям языках, нужно особо подчеркнуть ее общезыковедческое значение. На стр. 157 сказано: «Венгерский язык оказал незначительное влияние на морфологию и фонетику исследуемого украинского диалекта». Быть может, это влияние и не было столь значительным, если вспомнить хотя бы изменения в вокализме (проникновение в украинский диалект *á, é, ő, ý*). С другой стороны, на этом влиянии можно было бы остановиться подробнее, если позволил бы объем работы.

В пятой главе дана тематическая характеристика венгерских заимствований. Материал дает автору возможность утверждать, что культурный и другие кон-

такты между венграми и украинцами существовали уже в период древневенгерского языка. При определении времени заимствования следовало бы указать, на основании каких источников это время установлено.

Наиболее объемистая и ценная часть диссертации — ее шестая глава, в которой приводятся этимологии 646 заимствований. Материал, помещенный более чем на 300 страницах, заслуживает полного признания. В словарных статьях автор выступает как талантливый и добросовестный лексиколог.

А. А. Мокань успешно справился с поставленной задачей и в результате перед нами исследование, имеющее большое значение как для финно-угроведения, так и для славистики.

ПАУЛЬ КОКЛА (Таллин)